

Обзоры и рецензии

«А ОРЕШКИ НЕПРОСТЫЕ...»*

Для прозаика и поэта первая книга — обещание и вступление, для критика — итог не одного года работы. Таковы уж внутренние «законы» этого жанра...

Подводит итоги и Л. Аннинский. Три главы его книги «Ядро ореха» («Жажда цельности», «Путь к человеку» и «Арифметика, алгебра, гармония») собирают в фокус, предварительно рассортировав материал по родам и видам, рожденное «на газетных страницах, в пылу полемики».

У Л. Аннинского остро выраженный интерес ко всему только что появившемуся. Он не ждет, пока произведение обрстет, как ракушками, корой рецензий. Он подхватывает его на лету, и оно начинает свою литературную жизнь, отмеченное знаком его оценки.

В предисловии критик предупреждает, что в его книге нет «исчерпывающей картины литературного движения истекшего десятилетия».

Тем не менее она на редкость многогеройна. Здесь Р. Рождественский и В. Соколов, А. Вознесенский и В. Цыбин, В. Фирсов и О. Сулейменов, Е. Евтушенко и Вл. Корнилов, Ю. Трифонов и В. Кожевников, В. Аксенов и Г. Владимов, В. Розов и А. Володин...

При всем этом «Ядро ореха» не просто сборник укрупненных и наскоро модернизированных статей, хотя в предисловии автор и извиняется за то, что «многие оценки» он «пересмотрел». Это очень цельная, вернее, целенаправленная книга, с жесткой конструктивной идеей. Даже в ее треглавии есть особая многозначительность. Трижды пробует критик, трижды проверяет — на прозе, поэзии, драматургии — дорогую для него истину: там, где кончается личный опыт, начинается умозрение. Там, где начинается умозрение, кончается искусство. Бойтесь умозрений!

«Умозрение, — пишет Л. Аннинский, — вздергивает на ходули поэзию, — очутившись в воздухе, поэзия строит там воздушные замки и обру-

* Л. Аннинский, Ядро ореха. Критические очерки, «Советский писатель», М. 1965, 223 стр.

шивает их вниз, постигая таким образом реальность земного тяготения. Умозрение смещает перспективу в прозе... Умозрение ложится в основу драмы — и драма начинает попросту лгать».

К этому выводу, заключающему книгу, Л. Аннинский подводит читателя последовательно и целеустремленно. Мысль, заключенная в ней, и есть, собственно, сюжет его книги, ее, так сказать, ядро; с ней так или иначе скоординированы все лирические отступления, все вставные критические новеллы.

Впервые столкнувшись с этой проблемой такая сосредоточенность может показаться излишне узкой, но, думается, Л. Аннинский, остановившись перед ней подольше, сумеет разубедить не очень внимательного читателя, заставит его задуматься.

В самом деле, что за странная болезнь? Кажется бы, детская, нечто вроде кори, а болеют ею далеко не молодые литераторы. Кажется бы, городская и книжная, но Л. Аннинский вполне убедил, что «треугольные избы» ничуть не менее умозрительны, чем всякие там «треугольные груши».

Описание парадоксальных и удивительных симптомов этой модной литературной болезни можно было бы продолжить, но заинтригованных лучше все-таки отослать к первоисточнику. А самим попробовать понять, откуда у современного литератора это недоверие к «первоначальному» опыту, это стремление искусственно и поспешно расширять его? Откуда эта экспансия, толкающая его на захват территории, которую он явно не может освоить художнически? От узости опыта? Бедности его? А откуда сама эта узость? И почему естественный прирост первоначального опыта так незначителен?

И как зависит он от общественного климата?

А может быть, «вихрь умозрений» только маскирует робость перед жизнью, которая «не дает конца»? Или его рождает потребность в немедленной справедливости?

И почему одинаково восприимчивы к вирусу умозрительности оказываются такие разные художники, как А. Володин и А. Вознесенский, А. Арбузов и Е. Евтушенко?

Словом, читатель, которому Л. Аннинский положил на ладонь свой крепкий орешек, превращается в того самого дурня, у которого больше вопросов, чем у умного автора — ответов.

Это естественно, и было бы даже похвально, если бы Л. Аннинский выдержал характер. Но Л. Аннинский не удержался от соблазна связать все возможные «почему» узлом формулы, претендующей на универсализм. «Современный человек, включенный в гигантские общественные организмы, участвующий в разумной жизни огромной страны, втянутой в систему целого мира, не может не приобщаться к отвлеченным сферам, но по самим масштабам их он не может не делать этого умозрительно».

Нельзя не отдать должного изящной конструктивности этой формулировки, но трудно не видеть, что здравая мысль доведена здесь, по сути, до абсурда. Если ее еще чуть-чуть продолжить, придется — хочешь — не хочешь — сделать вывод: современное искусство обречено на умозрительность и, следовательно, на самоуничтожение. Но, очевидно, Л. Аннинский этого вовсе не думает, и потому не будем придирчивы, примем его формулу всего лишь как рабочую, черновую гипотезу.

Ценность любой гипотезы, как

известно, проверяется тем, дает ли она объяснение необъяснимым на сегодняшний день странностям и аномалиям, объединяет ли их в некий комплекс, находит ли в них строй.

Попробуйте на этих условиях воспользоваться гипотезой Л. Аннинского — вам придется убедиться, что в таком математически-бесстрастном виде, в такой умозраительной чистоте она ничего не объясняет. Ни того, почему Е. Евтушенко, вопреки природным голосовым данным, считает своим долгом — поэтическим и человеческим — говорить «во весь голос». Ни того, почему «гармония» в стихах А. Вознесенского «замешана на абстракции». Так же как не объясняет она ни трагических метаний О. Сулейменова, ни склонности В. Аксенова к типовым решениям, его артистической банальности и внезапной, ненажитой глубины.

Для того чтобы концепция, спрятанная в ядре этой формулы, стала вещью для нас, ее надо было проверить, пользуясь метафорой самого автора, «законами земного тяготения»; Л. Аннинский же просто вписывает ее, как некую окрестность — в треугольник своей концепции, — увы! — и здесь геометрия, та самая геометрия, которую он с такой яростью преследует в изящной словесности! Другими словами, для того чтобы воздушные замки умозраительных теорий обрели фундамент, «самодвижение жизни» должно было быть подвергнуто серьезному социально-психологическому анализу. Но Л. Аннинский этого не сделал — не смог или не захотел. Не разрешив проблемы, он тем не менее представил положение так, будто ему, Л. Аннинскому, ведомо, как из этих опасных лабиринтов и самому выйти, и литературу вывести. Ведь он слово знает! И слово-то какое — личность!

Личность — вот панацея от всех бед умозраительности! Слово это он произносит так часто и с такой многозначительностью, что и мы невольно начинаем придавать ему некий абстрактно-мистический смысл. И не сразу слыхиваемся, что не только пресловутое «подлинное бытие», но и сама личность введены в спор как отвлеченная категория, как самая сильная и властная фигура на шахматной доске умозраений: она отличается от своей противницы умозраительности не больше, чем белая шахматная королева от королевы черной. Ведь если согласиться с Л. Аннинским и признать исключительное право называться личностями за редкими экземплярами человеческой породы, наделенными от природы стихийным талантом цельности и могучим чувством жизни, а следовательно, и природным иммунитетом против умозраительности, то придется признать также, что среднему человеку, а значит, и обществу в целом нечего противопоставить напору стандартизации...

Но Л. Аннинский предпочитает не заглядывать так далеко... Оседлав своего конька, он гонит его во всю прыть, несколько не заботясь о том, что золоченый ключик, добытый с такими головокружительными приключениями, ничего не отпирает — уж очень у него неудобная форма, сильно напоминающая щипчики для орехов...

Хочу, чтобы меня поняли правильно.

Никто не может посягнуть на святое право критика — на то он и критик — использовать литературу как материал для эксперимента, если у него благородная цель — «понять закономерность того, что есть». Но и у литературы свои права. Она не любит, когда на ее заповедных лу-

гах слишком уж резвятся критические коньки всех мастей. Это противоречие неизбежно, антагонизм — законен. Условие и ограничение только одно: литература должна остаться в живых, а в критических пространствах Л. Аннинского ей так часто не хватает воздуха. Кислородное голодание особенно резко ощутимо в первой главе книги: щипчики Л. Аннинского слишком грубы для кедровых орешков поэзии, — раскалывающая скорлупу, они дробят и ядра. Характеристики блистательны, но все время вроде бы не по росту: то короткие, то длинные. Поэты торчат из них.

Наверное, чувствуя это, Л. Аннинский, чтобы развязать себе руки, начинает книгу заявлением:

«Хороших стихов много, поэта — нет».

Эту сакраментальную фразу Л. Аннинский не выдумал, он ее услышал. Автор ее, да и сам критик, поначалу, очевидно, хотел сказать только то, что сегодня нет главного поэта. Но Л. Аннинский простодуш-

но и лукаво изменил ее смысл в свою пользу: хорошие стихи идут сплошным потоком, а их авторы, словно родители, отправившие детей в пионерлагерь, стоят где-то в сторонке: хорошим стихам — уважение и почет, а поэты — что с ними считается, раз их нет! И эта мелочь тоже выдает Л. Аннинского: задумайся он всерьез над всеми теми проблемами, которые «вышелушил», посчитайся с самодвижением жизни и литературы — он вынужден был бы сделать ставку на поэта, а не на стих, на драматурга, а не пьесу. Словом, если все это всерьез, а не понарошку, Л. Аннинский начал бы распутывать «опасные» связи с причин, а не занялся коллекционированием следствий. Не знаю, не берусь определить, вина здесь автора «Ядра ореха» или беда его, но, к сожалению, книга его дает возможность продолжить картину тех разрушений, которые приносит искусству умозрительность и которую он с таким блеском изобразил.

А. МАРЧЕНКО

ДВЕ КРАЙНОСТИ*

В Азербайджане в последние годы (особенно в связи с 150-летием вхождения Азербайджана в состав России) вышло немало книг, посвященных взаимосвязям литературы. Здесь и сборники литературно-критических статей известных наших писателей — «Могучее содружество» Мехти Гусейна и «По законам кра-

соты» М. Ибрагимова, и научные монографии и исследования. Книги эти объединяет не только юбилейная эмблема, но прежде всего общность проблематики — в совокупности своей они дают возможность рассмотреть русско-азербайджанские литературные связи в их становлении и развитии, дают достаточный материал и для того, чтобы судить не только о достижениях, но и о просчетах в об-

* М. Ибрагимов, По законам красоты, Азгосиздат, Баку, 1964, 320 стр.; М. Гусейн, Могучее содружество, Азгосиздат, Баку, 1964, 233 стр.; М. Джафар, Из истории азербайджано-русских литературных связей, «Азернешр», Баку, 1964, 156 стр. (на азербайджанском языке); Ш. Курбанов, Этапы развития

азербайджано-русских литературных связей в XIX в., Изд. АН АзССР, Баку, 1964, 251 стр.; С. Турабов, Азербайджан в русской поэзии, Азгосиздат, Баку, 1964, 130 стр.; Г. Бабаев, Глубокие корни, Азгосиздат, Баку, 1964, 140 стр.